

18+

Ниджат Ибадов

Потерянные судьбы

Ниджат Ибадов

Потерянные судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56816808

SelfPub; 2020

Аннотация

Мы, словно кузнец, который день и ночь прилагая усилия создаёт свое безупречное творение, создаём свое будущее. Ранним утром или вечерним днем, вспоминая свое прошлое, нам приходится делать выбор... От которого зависим мы сами, наше грядущее и наше счастье. У жизни всегда свои планы на нас, но и мы её удивим своим упорством и бесстрашием перед её сложностями. ... Когда старость на подходе и единственный, что ты можешь – это ворчать на молодое поколение, твой жизнь меняется в один момент и теперь ты словно, молодой папочка бегаешь по делам. ... Когда не хватает духа рассказать, что твой выбор отличается от принятого всеми заранее. ... Когда ты отдаёшь всего себя ради близкого, а он это не замечает. Ты попросту, Теряешь свою судьбу

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Предисловие

Любые малейшие сходства являются случайностью, все события, приведенные в художественном произведении являются плодом фантазии и в действительности я не уверен в их существование.

Даты, места, имена, бренды, используются в сугубо художественных целях и не имеют цели рекламирования.

Пролог

Аделард надел свой костюм, сделанный из настоящей бархатной ткани, которую найти было очень сложно. То ценник был в три раза загнут, то качество оставляло желать лучшего, но все-таки десять лет тому назад, он смог найти костюм, подходящий по всем параметрам, который подчеркивал и дополнял его образ. Черный с красной клеткой пиджак, а под ним блестящая, словно снег в декабре, рубашка с черными пуговицами. А красные брюки демонстрировали его важность. Со счастливым лицом и парадным видом, он шел на важное для него торжество, а именно на свадьбу своего единственного сына, закончившего военную летную академию и теперь с гордостью он может служить миру, оберегая покой народа.

С невесткой Аделард был знаком еще давно, с момента рождения. Она росла вместе с его сыном в одном дворе. Они пошли в одну школу, затем в один университет, только специальность у них была разная. Элла, жена Акима, училась на авиадиспетчера, не смотря на то, на что она боялась высоты, но ума и ловкости было достаточно для управления самолетом.

Она даже не могла забраться на дерево и сорвать яблоко, благо Аким всегда был рядом и помогал ей. Элла тоже помогала Акиму в рамках своих сил, и делала это просто так, без

какой-то выгоды для себя. Наверное, они решили жениться, потому что уже не могли жить друг без друга, привыкли к ощущению того, что рядом с ними есть человек, который может выслушать, понять и поддержать. Привыкли к ощущению близости и неравнодушия друг к другу.

С момента их свадьбы прошло не мало времени – десять лет, за это время некоторые люди взрослеют, стареют или умирают, но самое обидное то, что десять лет пролетают пулей, и мы не ценим людей, находящихся рядом, думая, что они всегда останутся в нашем окружении.

А теперь Аделард шел с тем же самым счастливым лицом, что и десять лет назад, но шел он в больницу, а точнее в родильную палату к Элле. Она вот-вот должна была родить своего второго ребенка, по прогнозам врачей – мальчика.

«Да, что же так долго» – с возмущением про себя говорил, Аделард.

На часах было уже три часа ночи, он уже должен был сидеть дома у камина и пить чай, привезённый из Индии его коллегами, вместе с Элей. Но он все еще ждал, принципе, это единственное что ему оставалось.

Аделард сел на холодную скамейку с маленькими дырками, словно в аэропорту, и не заметил, как уснул. Через полчаса его разбудил непонятный голос, постоянно нарастаю-

щий, но все еще не такой громкий, чтобы его разобрать.

Аделард был чутким, еще с раннего детства. Он вырос в деревне, комната его была напротив улицы, поэтому он мог определить, что за животное ночью крадётся: собака-дворняга или кошка, идущая домой после очередной гулянки, или кто на коне скачет по делам.

Он проснулся и сразу встал, поняв, что навстречу идет акушер, вышедший из операционной – это его голос он слышал. У акушера, Виктора было очень расстроенное лицо, которое пугало Аделарда.

«Я хочу вам сообщить неприятную новость» – выронил акушер, в его голосе слышны нотки печали и грусти.

Аделард настраивал себя на хорошие мысли и пытался быть сдержанным.

«Что случилось? Как чувствует себя Эля?»

Вопросы один за другим прилетали в его голову, как стрелы, выпущенные из тисового лука, и оставались там пока на них не дадут точный и внятный ответ.

«К великому сожалению, Эля не выдержала роды и погибла, но нам удалось спасти ее сына» – с неуверенностью сказал врач, сумевший принять большое количество родов на своем веку.

Но каждый раз сообщая родителям, мужьям или друзьям пациентов печальную новость его поражал какой-то непонятный холод и чувство виновности, хотя всегда он боролся за жизнь пациентов до конца. За это его и прозвали земной

Херувим.

«Что ты такое говоришь?!» – с ненавистью и злостью закричал Аделард и сразу же бросился на акушера, вцепился в его воротник, но не смог даже оттолкнуть Виктора, его сильные ноги были способны выдержать еще трех таких же Аделардов.

Аделард понимая в каком он нелепом положении, сразу отпустил врача и плюхнулся на скамейку так, словно его душевная тяжесть увеличила его вес в несколько раз. Сам он был среднего роста, с щуплым и худым телосложением, но упал с таким звуком, будто кто-то со всей силой бьёт по железной трубе, таким звонким и громким был этот звук. Звону добавляли еще несколько франков в заднем кармане, оставшиеся после покупки кофе.

Виктор, понимая, что его ненавидят, и воспринимают, не как спасителя жизней, а как убийцу, поспешил удалиться в ординаторскую, в которой уже никого не было. Все ординаторы, будущие специалисты своего дела давным-давно дома спят, не думая проснуться, а техничка закончила работу, мило попрощавшись со всеми тоже ушла. Виктор сидел один, обдумывая все раннее утро, что же пошло не так?

Уже больше тридцати минут Аделард непрерывно смотрел в одну точку, а точнее на табличку на двери “НЕ ВХОДИТЬ”. Он просто смотрел, он не мог думать, сожалеть или злиться, словно оказался в тумане и пытался найти выход из

него.

Уже взошло холодное декабрьское солнце, согревающее своими лучами землю, чтобы избавить ее от тяжелого серого снега, покрывшим на тот момент весь город.

К Аделарду подошла девушка в белом халате, с веснушками на лице, которое становилось, благодаря им еще красивее. Она явно была моложе остальных медсестер, но всегда умела поддерживать больных, и разделять вместе с ними горе, для медсестер или врачей-это очень важное умение, ведь помимо физического здоровья надо еще и следить за моральным, потому что нельзя выпить пару таблеток, перенести операцию и излечить душевные раны.

«Здравствуйте, Аделард Лоран! Вас хочет видеть заведующая отделения»– без особого напряжения сказала девушка.

«А что она хочет и где находится ее кабинет?» – Аделард, не поднимаясь со скамейки ответил, демонстрируя свое недовольство.

«16 кабинет находится на первом этаже, напротив гардероба, там она и будет, а что скажет не знаю! Я могу вас провести, если хотите?» – сказав это девушка мило улыбнулась.

«Хорошо, проведите меня к ней».

Всю дорогу с третьего этажа по первый Аделард молчал, его не волновала предстоящая беседа, он даже не переживал, что уже внизу его могут ждать сотрудники правопорядка и завести уголовное дело из-за нападения на врача, хотя

нападением это назвать было сложно. Его волновало одно: что он скажет своему сыну, как будет смотреть ему в глаза?

Лифт остановился и большие серые двери открылись, Аделард спокойно прошагал в сторону кабинета, войдя в здание он сразу заметил 16-ый кабинет, с деревянными дверями. Ему и не нужна была помощь медсестры, просто не хотел ошибиться и лишний раз беспокоить людей, у которых и без него дел хватает.

«Дальше, я думаю, моя помощь вам не понадобится» - сказала девушка, ждущая от старика в костюме благодарности.

Аделард это сразу заметил и не медлительно сказал: - Спасибо большое.

Аделард сидел на стуле из черного дерева, стол, на который он положил руки в длину был около 3 метров, а напротив него лежала стопка различных бумаг, отчетов, документов и стоял плазменный монитор компьютера. !!! В середине красовалась надпись FK (fabrication KIFFER), написанная каллиграфическим почерком. Это была известная компания, занимающаяся деревообработкой уже около 25 лет, и у нее, не было конкурентов. Их мебель считалась произведением искусства.

Стены кабинета покрашены в зеленый цвет, а на потолке красовалась люстра, освещающая все комнату ярко-желтым светом. Слева находился шкаф с историями болезней, и куча других бюрократических бумажек смысл которых заклю-

чался в том, чтобы ущемить права безграмотного, но, возможно, честного человека. На правой стене были повешены один за другим различные сертификаты, которые утверждали о высшем уровне медицины.

За столом сидела женщина лет сорока или пятидесяти, в общем Аделарду до этого дела не было. Он был загруженный смертью невестки, к тому же он считал, что дело не в возрасте, а в том, что в голове в этом возрасте. Заведующая была ухоженная и красивая, что не удивительно, ведь ее должность требовала презентабельной внешности как для поддержки статуса, так и для внушения доверия пациентам.

После небольшой паузы женщина начала говорить уверенным тоном, нельзя было понять сожалеет она или нет: «Аделард, здравствуйте уважаемый. Я знаю вашу печальную историю насчет Эли и непременно сожалею об этом, но я еще кое-что о вас сумела узнать. Ваш сын, Аким, служит на антитеррористическую организацию, благородное занятие, но его жизнь постоянно в угрозе и у вас родился здоровый внук, а вы уже человек в преклонном возрасте, и вам явно не до стирки пеленок. Надеюсь вы понимаете, о чем я?»

«Нет». - твёрдо проронил старик, хотя в душе он понимал к чему идет разговор.

«Ну как же так? В пиджачке, в костюме, выразительные глаза. Эх, возраст никого не щадит!»

В ответ на все эти высказывания, женщина получила холодное молчание и взгляд упрямого защитника.

Он смотрел на нее темными глазами, пытаясь пробудить в ней чувство совести.

Женщина, понимая, что ответа так и не получит на секунду подумала: какая она паскуда, но сразу же отреклась от этих мыслей и через некоторое время продолжила:

«Вы пожилой человек и на вас возложена ответственность воспитания старшей дочки Акима, второго ребенка вы уже не потянете, поэтому я предлагаю вам сдать ребенка в школу-интернат высших наук»

«Этого никогда не будет!» – сказал этого грубым тоном Аделард, чуть ли не крича на всю комнату

«Это же в ваших интересах! В противном случае суд у вас отнимет внука, а может еще и внучку»

«Да пусть будет проклята вся ваша бесчинная шарашка!» – сказав эти гневные слова Аделард, весь красный от злости, вышел из комнаты демонстративно хлопнув дверью.

Он сразу ни о чем даже, не задумываясь дошел до лифта, который был оборудован под больницу и мог вмещать до 15 человек и ехал особенно быстро, к слову доезжал до третьего этажа меньше чем за минуту.

Ему не пришлось долго ждать, лифт почти сразу спустился, Зайдя в полностью пустое помещение, он никого не дожидаясь нажал на цифру «3», а затем на кнопку «закреть двери».

Старик про себя говорил цифры этажей, читая их с панели.

«Первый этаж, второй этаж, третий этаж»-наконец, приехал!

Он сразу начал искать ординаторскую, а точнее Виктора. Понимая, что тот может даже не хочет его видеть, но все равно он ему нужен, был как воздух. Обойдя третий этаж полностью, Аделард заметил большие двери, открывающиеся в обе стороны, к тому же они сильно отличались от тех, что в палатах или в операционных. Поняв, что ему надо именно туда, дойдя быстрым шагом до них, он невольно начал слышать какой-то шум и это был рабочий: название каких-то болезней или препаратов, процедуры, узи. Аделард сразу понял, что идет в правильном направлении. Вот дойдя до двери, шум не прекращался и был уже громче стука его каблуков. Старик перевел дух и зашел в комнату, не обращая внимания на интерьер, сразу заметил врача, который судя по всему не был рад встрече, может он подумал, что горе дед пришел продолжить разборки. Вокруг него стояли три ординатора, с историями болезней пациентов и каждый из них хотел урвать у Виктора чуточку опыта и знаний, которые можно приобрести только со временем. Акушер понял, что агрессивный гость пришел к нему и сразу встал и пошел к Аделарду с уверенным лицом.

Он начал говорить сразу после того, как между ними дистанция сократилась до одного метра: «Понимаю для вас это

серьезная потеря, но в этом моей вины нет! Роды были сложными, но все-таки мои действия были верными, а ваша невеста умерла сразу после рождения малыша, вы имеете полное право обжаловать мои действия в суде».

«Я потерял близкого человека, но теперь могу еще и потерять внука»

«Почему же это?»

«Меня к себе вызвала ваша начальница и сказала, что я не в состоянии один воспитать этого ребенка, еще и пригрозила судом».

«А где ваш сын? Почему он не воспитывает своих детей самостоятельно!?»

«Мой сын военный и его отправили уже, как седьмой месяц служить в рядах «коалиции против ИГ» и он не может обеспечивать, и оберегать семью, он доверил мне своих родных, понимаете? Я отвечаю за их еду, сон, учебу и наконец за жизнь! И вдруг выясняется, что я не смог сберечь его жену, так еще и отдал сына в левые руки! Какой я после этого отец?!» – у Аделарда с правой щеки покатилась слеза, такая большая, что она отражала яркие лучи солнца, попадающие из панорамного окна. Аделард почувствовал, что его щека мокрая, сразу вытер каплю, понимая, что слезы ни ему и никому другому не помогут.

Виктор нахмурил свои светлые брови, доставшиеся ему от отца. С виду он был хохол, но как его он и его родители оказались в этой стране не было понятно, да и это не имело

никакого значения. Понимая всю трагичность ситуации, он начал говорить, но уже не таким уверенным голосом, а робким, не характерным для него:

«Хорошо, я попытаюсь вам помочь. Приходите к часам 23.00 вечера к черному входу, вы же, надеюсь, знаете где это?»

«Я? Я знаю! Я обязательно приду. Спасибо вам, доктор!»

Это «спасибо» было намного ценнее и искреннее, чем-то что он говорил продавцам в магазинах или гардеробщицам в театре, или кино, потому что воспринимал их услуги должным.

Дальше по коридору он шел с удивленным лицом, не понимая почему Виктор отважился помочь, ведь тот ему нагрубил и еще осмелился руки на него поднять. К тому же это не его дело детей родителям выдавать, должность, которого заключается в принятии родов и все.

Аделард дойдя до гардероба, начал шастать карманы в поисках номерка, он отчетливо помнил, что положил номерок в левый карман брюк.

Память его не подвела, как раз там лежал закругленный номерок из дерева, на котором были вырезаны цифры «318».

Из угла вышла женщина лет пятидесяти с пухлым лицом, и попросила у него номерок, который он уже успел положить на стойку из того же дерева. Она взяла номерок быстрым движением руки и пошла в какую-то сторону, дабы принести пальто. Когда она возвращалась, Аделард посмотрел

на ее сверкающие и добрые глаза, и в тот момент его начал мучать вопрос: почему для счастья одним людям не хватает и планеты всей, а другие счастливы, довольствуясь тем, что уже есть?

Аделард достал пачку сигарет на крыльце городской больницы зажег ее и начал обдумывать все произошедшее за весь день, и пришел к выводу, что это самый тяжелый его день за последние лет пятнадцать, а то и двадцать.

Вспоминая свое прошлое, начал спускаться по лестнице, сделанной из белого камня и встал около урны, чтобы докурить сигарету и выкинуть ее.

На часах было только 15.00, ему надо было скоротать 8 часов. Домой идти смысла не было, долго ехать и можно еще опоздать к Виктору, а он и так сделал большое одолжение, только не понятно какое. На тот момент помощь врача для него казалось невозможной, но доверие к нему оказалось больше, чем к самому себе, а ведь может это просто глупое самовнушение. Но единственное, что оставалось это греться надеждой, которая была теплее, чем его пальто.

Аделард не кушал со вчерашнего дня и решил сходить в кафе, находящееся в 30 минутах от больницы.

По дороге в кафе, он успел зайти к своей давней знакомой, работающей в пекарне, светлая женщина 63 лет была не про-

тив поболтать с давним другом и по совместительству горемыкой. Он рассказал все что с ним приключилось и поделился всеми эмоциями, которые он ощущал на тот момент. Старушка слушала и параллельно раскатывала тесто, Аделард даже не злился, зная, что так она еще внимательнее слушает и вникает в ситуацию. Старая привычка.

Старуха после услышанного чуть ли не побледнела, ей стало жалко давнего друга, но при всем своем желании, дать совет или просто поддержать было не в ее силах, так как она никогда не оказывалась даже в похожей ситуации, а не то что в этой. Но ему стало намного легче, он стал чуть счастливее, хотя в его положении до счастья далеко. Человеку достаточно, чтобы его выслушали, просто выслушали и ему станет гораздо легче.

«Ладно, Анжу, я уже достаточно долго у тебя украл времени, я пойду.» -сказав эти слова, он одел пальто и направился к выходу. Старушка Анжу молча проводила его до выхода и тихим голосом сказала:

«Если так случилось, значит так и должно быть. Не казись, в этом твоей вины нет.» – старуха подошла к Аделарду, дала ему в руки картонный пакетик с круассанами и поцеловала его в щеку, а тот мило улыбнулся и вышел на улицу.

На часах уже было 19.00, и кафешка была в пяти минутах от пекарни. Хочешь или не хочешь, но одной выпечкой не насытишься. Зайдя, в кафе он сразу заметил один столик около окна и направился в его сторону. Здесь все делать надо

самому, никто с тобой не будет нянчиться. Сам разделся и повесил одежду на вешалку, сам сел за стол, только готовят и приносят еду за тебя.

Едва он успел сеть к нему подошла молодая девушка, улыбнулась и спросила:

–Что будете заказывать?»

Аделард немного потупил и через пару секунд ответил:

–Можно порцию Кок-о-вен.

«Хорошо, ожидайте около пяти минут.» – сказала девушка и поспешила удалиться в сторону белых дверей с круглым окном, скорее всего там была кухня – место, где обычные продукты становятся произведением искусства, по крайней мере так считал Аделард.

Он получил порцию вкусной курицы, тушенной в вине, но даже такой гурман, как Аделард в такой момент жизни не мог насладиться блюдом. Съев чуть больше половины, щедрый старик, попросил счет и расплатился, оставив чуть больше, чем надо, демонстративно попрощался официанткой и вышел на темную улицу, конец которой увидеть было сложно. Подкинув мелочи бездомному, он пошел дальше с мыслями: «что ему еще хуже, чем мне».

На часах уже было 21.00 ночную темноту не могли разогнать уличные фонари, единственная достойно освещающая путь – это луна.

Аделард решил пройтись по парку, чтобы время скоротать и насладиться тишиной, которой иногда так сильно не хвата-

ет. Сидя на скамейке напротив маленького водоема с уточками, его поглотила мысль о том, как жестоко одиночество во дни декабря, но сдаваться было для него равно смертной казни. Он не мог представить ситуацию, как взял и остановился на пути к цели, наверное, из-за своего упрямства, смог добиться руки и сердца жены, погибшая давным-давно, когда дети бегали во дворах, а родители умели слушать своих детей. Ностальгия по временам молодости пронизывала его душу, он начал вспоминать детство в пеленках, школьные годы в форме, студенчество в костюме прилежного студента и годы молодости в белом специализированном костюме, защищающий от радиации, получаемой на атомной станции. Да, да именно там проработавший более 25 лет и вышел на пенсию, уже как 3 года. Эти воспоминания радуют его по сей день, у него даже есть альбом со всеми коллегами.

За отслеживанием своей жизни от рождения до настоящего дня Аделард провел полтора часа и ему по-хорошему надо было идти, благо до больницы 15 минут.

Стуча по асфальту своей деревянной тростью, он пугал местных бродячих котов и бездомных собак. Обойдя, больницу, он подошел к черному входу, дверь, которой была громоздкой и крепкой, наверное, для эвакуации людей в случаях экстренных ситуации.

Эти огромные двери с грохотом и неприятным скрипом распахнулись и вышел, Виктор. В глазах Аделарда он был как ангел, дающий спасения от горести и печали.

В его руках виднелись какие-то непонятные тряпки или вообще мешки, этого Аделард не мог разглядеть, но составил недовольную гримасу. Виктор уверенным и быстрым шагом подошел к старику, в руках держа, завернутые непонятные тряпки. Аделард пригляделся и заметил розовое пятно, он понял, что это личико его внука. Его поседевшие брови взмыли вверх, глаза он открыл настолько широко, насколько мог, а на лице появилась счастливая улыбка.

Виктор, зная, что времени осталось мало, начал говорить: «Что вы удивляетесь? Мне пришлось сказать, что я иду выкидывать старые тряпки, предназначенные для мытья полов. На меня смотрели, как спятившего, потому что эту работу выполнять должны санитары, а не врачи, так тем более еще и старшие. В общем, вам пора уходить, чем быстрее, тем лучше.»

«Виктор, я на всегда перед вами в долгу»

«Угу» – ответил врач, думая, как этот старый доходяга может ему помочь, но все равно, рад, что смог помочь.

Он знал, что детям без семьи тяжело, даже семья, обретенная в детском доме, не полностью может заменить, семью в которой тебя любят. Знал он это не понаслышке, единственное что ему осталось от родителей – это их фотография размером 3Х4, которая греет душу в суровые времена и заставляет скучать по матери с отцом, даже не зная кто они.

Глава 1.

Теплый свет дома, который уже не так мил.

На чистом беззвездном небе, гордо возвышалась луна, освещая все что попадалось на ее долю клочка земли, по-сменно меняясь с солнцем.

В машине было достаточно тепло, так чтобы малыш не замерз, но и не достаточно чтобы можно было снять с него старые тряпки и наконец полностью полюбоваться внуком, который тихо спал, прижавшийся из-за холода к деду.

У Аделарда на лице была тревожность, потому что он забыл телефон дома и не мог поддерживать связь с близкими. В голове у него бесконечно крутился один вопрос: как рассказать все Нике, точнее, как все правильно преподнести ей, которая наверняка уже распереживалась и ждет с нетерпением их.

Таксист молодой парень лет 20 или даже 19 был прилично одет, черные джинсы «Armani» и темно-желтая куртка от неизвестного для Аделарда производителя отлично согревали его, не давая замерзнуть в суровую погоду.

Он увидел, что у пассажира что-то не так с настроением, не понимал то ли радость это, или вообще тревожность, ехать им нужно было еще минут 20, а в такой обстановке молодому и жизнерадостному парню было тяжело. Водитель хотел начать разговор дабы снять напряженную обстановку.

ку, вызванную молчанием, хотя обстановка была накаленная только для него, потому что как только в его машину селись пожилые люди, то сразу начинались дискуссии на разные темы: от погоды на улице до политической ситуации в стране и за ее пределами. Он просто не ожидал увидеть старика, который не хотел бы чём-нибудь поделиться с молодым обывателем жизни. А этот старик молчал, смотрел на ребенка, и иногда поднимал глаза, чтобы посмотреть где они едут.

Наконец он решился первым снять паузу молчания и задать вопрос: «Ваш внук?» -еще с усмешкой добавил он – «или ваш сын?»

«Да какой сын?! Это мой внук.» – улыбаясь ответил Аделард, но улыбку быстро сменило угрюмое лицо, с вздохом выдыхающее пар теплого воздуха.

«Далековато вы от города живете, целых 25 километров, а на работу успеваете?» – подшучивая, продолжал таксист
«Не работаю я уже, стар для бывшей работы, там нужны молодые и умные ребята, а таким как я быстро замену находят, вот на пенсии сижу, внуков воспитываю.»

«Хм, на пенсии сидеть тоже хорошо, отдыхаешь, целый день лежишь на диване, смотря телевизор и щелкая семечки, да и попивая пиво»

«Рано мне еще сидеть на диване, дела есть незаконченные.» – показывая свою готовность на решения трудных ситуации, ответил старик. Аделард хотел перевести разговор на другую тему и начал допрашивать больно разговорчивого

таксиста:

«А ты сам чем занимаешь, кроме того, что людей возишь?»

«Я учусь на втором курсе экономического факультета и вечерами подрабатываю.» – с гордостью ответил молодой человек ожидая услышать похвалу, которая для него была чем-то не особо важным, но приятным.

«Молодец, это заслуживает уважения» - Аделард ответил с железным лицом, после чего замолчал и больше ничего не спрашивал.

Синий «nissan» повернул на широкую улицу, которая находилась на левой стороне дороги. После поворота их сразу начали встречать фонари домов разного фасада. Одни были сделаны из красного кирпича, другие из белых каменных кубиков, вообще-то это единственное что можно было заметить во всепоглощающей темноте.

Аделард смотря на дорогу начал указывать пальцем на какой-то дом и сказал: «Вот напротив того бардового забора останови.»

Таксист сбавил скорость и молча подъехал к забору, построенный из кирпичей и покрашенный в бардовый цвет, который сочетался с цветом двухэтажного дома.

Аделард заплатил чуть больше, чем надо и аккуратно вышел на улицу, закрыв дверь машины, предварительно попрощавшись с молодым пареньком с добрыми глазами и постоянной улыбкой.

Из куртки пальто сразу достал связку ключей, самый большой их них, с коричневой пластинкой открывал или закрывал замок, установленный на двери забора.

Аделард тихо засунул ключ в дверную скважину и начал аккуратно поворачивать его в правую сторону, после двух полных оборотов дверь отварилась, и его встретил громкий и звонкий лай собаки, которая была непременно рада вернувшемуся хозяину.

«А ну тихо! Кому сказал!»— Аделард ругаясь пытался остановить собачьи любезности, но у него получалось плохо. — «ну, дружок я тоже рад тебя видеть, но сейчас надо спать и не шуметь».— сказал он, подойдя к будке и держа в левой руке ребенка, а правой умудряясь гладить собаку, которая даже не понимая языка, сумела определить, что от него требуется.

На лай собаки, сразу же в доме загорелись все лампочки освещающие первый этаж, а за ними загорелись освещающие двор и улицу, обычно так делают, когда в дом пытаются заглянуть «незваные гости».

Аделард дальше пошел по белым плиткам, отражавшие ночью свет, поставил эти плитки Аким, чтобы отец в темноте не споткнулся и не упал.

Его начали встречать две большие деревянные колонны, держащие маленькую часть крыши. Дойдя уже до ступенек, Аделард замедлил шаг и начал медленно подниматься. Его

туфли стуча по ступенькам, создавали глухой звук в добавок к скрипу от пола. И вот через несколько секунд он стоял перед дверью своего дома, держа в руке внука и стуча с надеждой на то, что его поймут, потому что если твои поступки дома не поймут, то нигде не поймут.

Молодая женщина, тридцати шести лет, должна была просидеть с Никой до утра, но в итоге провела целые сутки у Аделарда дома, ожидая, когда сосед придет со своей невестой и ребенком.

Открыв дверь с удивленным лицом, не понимая, что происходит, она пыталась сформулировать правильный вопрос, но так и не смогла, и начала штурмовать бесчисленным количеством вопросов:

«А вы где так долго были? А где Эля? С ней все в порядке? Она в больнице? Почему вы молчите?» - удивленно спрашивала женщина, пытаясь разобраться что случилось.

Аделард тихо вошел в дом, снял обувь и верхнюю одежду, вручил ребенка ей в руки и попросил, чтобы она уложила ребенка спать и спустилась вниз, в гостиную.

Та не задавая лишних вопросов, пытаясь отогнать прочь плохие мысли, сделала все что ей сказал старик, и спустилась вниз с детской комнаты в просторную гостиную с каменным камином, стоящим на против двух кресел, обшитых зеленой тканью, и маленького столика между ними.

В камине бруски дерева, тихо потрескивая горели и со-

гревали жильцов этого дома. Илона села на свободное кресло, повернула чуток голову чтобы видеть и камин и Аделарда, которому есть что рассказать няньке и по совместительству подруге Эли.

Любопытство распирало Илону, она не дожидаясь, когда Аделард объяснит, что произошло, сама первая решила рассказать, что было пока он отсутствовал: «Ника уже давно спит, а Аким с раннего утра названивал и пытался узнать, что с Элей, как она и что с его сыном, а я не могла ответить, вы забыли телефон дома и всех нас очень сильно напугали. И молчанием своим еще сильнее пугаете.»

Старик, понимая, что от него ждут внятного ответа с хорошими новостями, но таких новостей у Аделарда было мало, доставая пачку сигарет «Marlboro» начал рассказывать, что произошло: «После родов Эля погибла, оставив нам в память о себе лишь своего сына и дочку» -ели сдерживая свои слезы перед Илоной, зажег сигарету и начал медленно курить, глядя на то, как догорают одни бруски дерева, чтобы зажглись другие.

Илона, не скрывая печали, пыталась смотреть Аделарду прямо в глаза, но он постоянно смотрел на камин. Она до конца пыталась думать, что это какая-то глупая шутка и вот-вот Эля выскочит из дверного проема или из какого-нибудь угла, закричит и напугает её до мурашек. Но такого не будет. На карих глазах появились капельки слез, выходящие напрямиком из глубины души, которые дойдя до глазных яблок

материализуются в соленый раствор воды и протекают на щеках, а потом их просто протирают или они сами высыхают.

Аделард тяжело вздыхая, не отводя глаз от камина, докурил сигарету и бросил её в огонь, доставая из внутреннего кармана пиджака красный платочек, на котором были изображены множество маленьких разноцветных символов бута. Он протянул расплакавшейся женщине платок, у которой уже на лице было не несколько капель, а целый ручей слез. В этот момент их взгляды пересеклись, Илона воспринимающая молчание Аделарда, как равнодушие поняла, что ему намного тяжелее чем ей, но он не в праве показывать это.

Аделард лежал на кровати и смотрел в потолок, не имея ни малейшего желания вставать и идти куда-то, он был душевно опустошен. Вставая чувствовал боль, которая пронизывала его тело от пальцев ног до самой макушки и самое страшное было то, что эта боль со временем никуда не уйдет, она лишь станет менее ощутимой потому, что он к ней привыкнет и будет с ней жить.

Его разбудили яркие солнечные лучи, которые прорезали себе путь через миллионы километров космического пространства. Еще немного полежав Аделард встал и подошел к двери от просторного балкона, открыл ее, дабы проветрить комнату и впустить запах зимней свежести себе в спальню. На часах было уже 8.15, Ника уже проснулась и сейчас нахо-

дится на уроке, а Илона провела еще одну ночь вместе с ними, на утро собрав свои вещи, пошла на работу, по крайней мере так они ночью решили. Начались рабочие дни недели.

У старика на уме было одно: позвонить Илоне и еще раз её поблагодарить. Буквально через пять минут, он уже произносил слова благодарности и спускался вниз, но прежде чем это сделать зашел в детскую комнату, в которой царил атмосфера радости и счастья. На оконных наличниках были развешаны гирлянды, напротив двух кроватей, на одной из которых тихо спал малыш, стояла елка миниатюрных для дерева размеров. Она была ненастоящая, потому что Эля постоянно беспокоилась, так как Ника могла уронить ее случайным образом.

Аделард вспоминая, как вместе с ней привез эту подделку, развешивал на ней игрушки, невольно начал грустить. Он подошел к детской кроватке, в которой тихо спал малыш, на его удивление он спал очень долго, но главное, что тихо спал, никому не мешая.

После звонка с Илоной, Аделард незамедлительно начал звонить Акиму, который через день другой должен приехать обратно. Ему пришлось долго висеть на трубе, чтобы дозвониться до военного лагеря, но его старания были оправданы и трубку взял какой-то важный человек, который назначил время для разговора отца с сыном, ровно десять минут.

Через две минуты к телефону подошел Аким, с огромной улыбкой на лице, и незамедлительно начал говорить: «Здо-

рова, пап. Как у вас дела, у меня даже не спрашивай, как дела, все хорошо, что с Элей? Что с моим сыночком? Я скоро приеду обратно»

«Аким, сынок, Эля погибла после родов, родив тебе здорового сына, я очень сожалею.» – разговаривая по телефону, в голове он начал проклинать всех врачей, рабочий персонал больницы, соседей и в конце концов себя, просто за то, что родился на этот свет, и теперь стоит и говорит своему сыну о смерти его жены.

Аким услышав эти слова замер и не мог вымолвить ни слова, он не мог понять смысл услышанных им слов, он не мог поверить, что человек с которым он провел всю свою жизнь, человек, который в суровые дни согревал теплее, чем самый толстый плед (и это не о зиме и не о холоде), просто взял и умер. Он в душе отрицал ее смерть.

«А?... Что?... Чего?... Пап ты сейчас шутишь?» – слабым и тихом голосом сказал Аким.

«Нет, я бы... Очень хотел, чтобы эта была глупая штука, но... Прости меня сынок я не смог сдержать слово, я не защитил твою ... свою семью.»

«Что за неудачные доктора? Я их найду и вырву им глотки!!!» – со злостью и ненавистью ко всем медицинским работникам проорал фразу Аким.

«Сынок, как раз врач, то не виноват, благодаря ему сейчас твой сын лежит и спит в теплой кроватке, а не в детском доме.» – постепенно повышая свой голос, ответил старик,

удивленный, что его сын разговаривает с ним на таких повышенных тонах.

Простояла пауза в длительности не больше минуты, но для Аделарда это время длилось безумно долго и казалось, что будет продолжаться бесконечно.

«Охх, пап...» -шмыгая носом продолжал Аким. – я бы сейчас все деньги, всю карьеру, да все что у меня есть отдал бы, лишь она была жива.

«Знаешь, когда умерла твоя мама, я так же как ты, чувствовал пустоту, чувствовал то, что как будто у меня что-то отняли, вырвали из души... Как будто этот мир забрал у меня то, что принадлежит мне, но проблема в том, что тут мы не собственники, здесь нет ничего нашего, мы только можем наслаждаться временными дарами судьбы, а у тебя их целых два – это твои дети.»

На заднем плане, Аделард услышал прокуренный голос мужчины, сообщающий, что их разговору осталось меньше минуты. Аким услышав это, сказал только: «Спасибо, пап... За все, что ты сделал и делаешь. Я тебе все детство говорил «я тебе люблю» и теперь скажу я тебя люблю и присмотри за детьми, пока меня нет. Только сына назови в честь Эли – Элан.» – голос в телефоне стал тише, а потом вовсе затих и пошла череда гудков, сообщающий о том, что абонент скинул.

На весь этот шум, резко отреагировал Элан, новый член семьи, судя по всему он был голоден и хотел ласки в пере-

мешке с вниманием и любовью, которой детям надо давать в полном объеме.

Аделард, купивший микстуру для Элана еще вчера, поднимался на верхний этаж вместе с завтраком малыша, дабы накормить его и успокоить.

Старик зашел в комнату, поставил стеклянную баночку на комод, стоявший рядом с пластиковой елкой, заглянул в маленькую кроватку, оттуда доносившийся крик резко затих. Малыш, будто радуясь тому, что его заметили перестал плакать и начал детально изучать своего деда, Аделард в свою очередь растил и воспитывал не первого ребенка и умел грамотно обращаться с детьми, словно многодетная мама. В молодости ему предстояло видеть, как растут его племянники и участвовать в этом процессе, потом растить Акима, далее детей племянников, а теперь сына Акима, был какой-то нескончаемый цикл детей в его жизни, которых он безумно любил.

Аделард взял ребенка в руки, тот почувствовав родную душу, даже не стал сопротивляться и не мог отвести глаза от лица старика, которое было идеально гладкое после бритья. Аделард потянулся за бутылочкой с бледно-желтым раствором, в одно движение снял колпачок, преподнёс микстуру к губе Элана, тот жадно хватаясь за бутылку двумя руками, начал выпивать большими глотками теплую жидкость, идентичную по составу материнскому молоку. Увидев это Аде-

лард начал невольно улыбаться, вспоминая как он кормил своего сына, который почему-то после рождения, отказался от молока матери и пил смеси и молоко только с бутылочки, которая осталась до сих пор и валяется где-то в чердаке, в большом ящике с надписью: «Аким и его детство».

Накормив малыша и переодев его в детскую одежду, купленную заранее, Аделард уложил его обратно в кровать, а тот снова уснул, в принципе это были его единственные полномочия. Эля приобрела всю принадлежность для ухода за детьми еще того, как легла в больницу, поэтому Аделарду было легко.

Он вышел из комнаты, оставив дверь открытой, чтобы услышать в случае чего плачь ребенка, а сам спустился на первый этаж и завернул в кухню, объединённую с гостиной. В центре гостиной стоял громоздкий стол, существовавший еще со времен покупки этого дома. На столе всегда были три керамических блюда с одинаковыми узорами и в каждой из них были какие-то продукты, в первой сухофрукты, во второй конфеты и шоколадки, в третьей свежие фрукты.

На против этого стола была кухня со всеми принадлежностями начиная от вилок и заканчивая двух дверным холодильником, в котором всегда была еда и разные вкусности. Фартук в кухне был сделан в сочетании с цветом камина, мутно-белого цвета. Все шкафчики были сделаны из темного дубового дерева, из того же что и стол.

Аделард из нижнего шкафа достал оранжевую кастрюлю

из чугуна, налил в нее воды и поставил на газовую плиту. Все соседи использовали уже электрическую, а Аделард не мог отказаться от газовой потому, что еда, приготовленная на ней для него, казалось намного вкуснее.

До прихода внучки, Ники оставалось несколько часов, и он должен был сварганить что-то к обеду, еще и сообщить ей печальную новость. Для него это было самое тяжелое. Но деваться было некуда. Через несколько часов возни на кухне блюдо было готово, а к нему прилагался еще и салат.

В это время Ника, открыв дверь дома ключом, унюхав запах еды, а точнее плова, который готовил исключительно дедушка, сняла ботинки и куртку, повесила ее в шкаф-купе и сломя голову забежала в гостиную, и побежала еще сильнее в крепкие объятия дедушки, который был сильно рад увидеть внучку.

Ника перевела дыхание и звонким голосом спросила: «Деда, а где вы были так долго?»

«Солнышко, мы в больнице были, там были некоторые неприятности.» – слабым голосом проронил Аделард. Обычно он всегда так разговаривал с детьми, тихим и местами серьёзным голосом, и довольно редко кричал, но этого все и боялись.

«Малыша я уже видела, спит, он так ...похож на обезьянку.» -с улыбкой ответила девочка, не тая в словах злону, а наоборот радость, тому что теперь она не одна.

Ника не останавливаясь продолжила: «А где мама? Она в

своей комнате?»

Аделард вздыхая и понимая, что ему от прямого вопроса не отвертеться, решил рассказать правду: «Понимаешь, Ника, не буду таить правду, люди рождаются и умирают-это нормально, такова наша биологическая сущность, и к сожалению, твоя мама... не является исключением... она погибла после родов.» – у светлокожей девочки на лице появились капельки слез, которые быстро накопились на щеках, и были уже не каплями, а ручьями.

Шмыгая носом, девочка внимательно слушала, не перебивая, а Аделард продолжал: « Знаешь, люди чем-то похожи на рассказы, которые ты читаешь, человек – это сборник глав, в каждой из которых таится история с умозаключением, но всегда не хватает одной главы, финальной главы, в случае с твоей мамой – это должна была быть глава, в которой она вас воспитывает, но потом все равно нужна была бы глава, где она видит вашу свадьбу, потом детей и видишь количество этих глав нескончаемо потому, что люди жадные, а наш автор давно уже все сам решил и этому не помешать.!» – Ника лишь посмотрела в дедушкины грустные глаза, которые она никогда такими не видела и сильно его обняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.